

Н.А. Демина

ДИСКУРСИВНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ФИЛОСОФИИ Ю. ХАБЕРМАСА

Рассмотрение социальной практики в коммуникативном контексте характерно для целого ряда современных социальных теорий. К ним относятся, в частности, концепции Ю. Хабермаса, Т. Лукмана, Дж.С. Александера, Ж. Коэнен-Хуттера. Думается, что эта тенденция тесно связана с закономерностями развития современного общества, которое «предполагает источник развития в увеличении, ускорении, уплотнении и глобализации коммуникации» [1].

В качестве характеристики форм социальной коммуникации весьма популярной в настоящее время является концепция дискурса как модели интересубъективного формирования точек зрения, в основе которой лежит рациональная аргументация. При этом речь может идти о принятии общественно значимых решений самого различного вида.

Теория коммуникативного действия современного германского философа Ю. Хабермаса предусматривает следующие типы общественных дискурсов: теоретические, в ходе которых формируются картины мира, оформляются целерациональные действия, т.е. эти дискурсы направлены на решение проблем когнитивно-инструментального плана; практические, в которых испытываются и утверждаются ценностно-нормативные аспекты социального взаимодействия; эстетическая критика, в ходе которой обсуждаются и обыгрываются ценности культуры, которые не могут выступать в качестве универсальных и общеобязательных; терапевтическая критика, которая нацелена на преодоление иррациональных заблуждений на личностном уровне, при этом не исключено участие аналитика-психотерапевта. В основе всех типов дискурса лежит рациональное обсуждение проблем, основанное на последовательной рефлексии участников интеракций.

Модель дискурса, который может выступать и как механизм расширения эмпирико-теоретического знания, и как практический, регулирующий ценности, нормы, институциональные средства их реализации механизм, рассматривается в коммуникативной парадигме в качестве практической формы организации социальной практики. Именно практический дискурс способен выступать как форма политической деятельности и должен быть использован институтами власти, которые в своем функционировании связаны с дискурсивным образованием воли.

Цель практического дискурса - согласование разнообразных интересов индивидов, которое осуществляется в форме диалога равноправных партнеров. Очевидно, однако, что не все интересы можно обобщить и сделать общезначимыми, именно в дискурсе и испытывается способность интересов к обобщению. При этом важны и внешние условия процесса дискуссии: отсутствие влияния на ее участников извне в форме внешнего принуждения, всевозможных правовых, социальных санкций; в ходе взаимодействия должны быть исключены все мотивы, кроме поиска истины. Являясь эмпирическими процессами, дискурсы все же подвержены ряду ограничений, например, во времени и пространстве.

Ю.Хабермас отмечает, что на определенных этапах общественного развития дискурс нередко играл главенствующую роль, являлся катализатором прогресса. В качестве прецедентов такого рода дискурсов можно отметить формирование философского мировоззрения в Древней Греции, связанное с переосмыслением мифологической и религиозной картин мира; начало опытных наук, светского научного знания в эпоху Нового времени; дискурсы, связанные с принятием политических решений в Европе и США - время возникновения буржуазной общественности и буржуазной демократии. Оценивая значение Великой Французской революции, Хабермас отмечает, что она была и событием, и аргументом, оставившим след в формировании политических идеологий. Именно тогда во всей полноте была поставлена проблема возможности совмещения равенства со свободой, единства с плюрализмом, воли большинства и прав меньшинства.

Согласно теории коммуникативной компетенции Ю. Хабермаса, истинными могут быть признаны лишь те суждения, которые любой разумный субъект может испытать в неограниченной и свободной от внешнего принуждения и иррациональных ограничений коммуникации и затем принять. Истина должна быть «интерсубъективно переносима» и рефлексивно принята. При этом мы сталкиваемся с проблемой неравного уровня «коммуникативной компетенции» участников взаимодействия в процедурном, семантическом, логическом аспектах. Именно обладающие наибольшими знаниями участники дискурса получают преимущества, поскольку они компетентны судить, какие лингвистические выражения образованы грамматически правильно, какие трансформации высказываний логически согласуются, какие способы поведения могут быть классифицированы как рациональные, какие коммуникации не искажены и т.д.

Эти аспекты теории коммуникативной компетенции вызвали решительные возражения теоретика герменевтики Г.Гадамера, который отмечает по этому поводу: «Хабермас упрекает меня в том, что я настаивая на моей герменевтике, хочу оспорить законность революционного сознания и революционной

воли к изменению. Когда я возражаю Хабермасу, что отношение врач-пациент недостаточно для общественного диалога, я ставлю перед ним вопрос: «По отношению к какой самоинтерпретации общественного сознания - а сюда относится вся сфера нравственности - дозволительны обман и вводящие в заблуждение непрямые вопросы ради революционной воли к изменению, а по отношению к каким не дозволительны?». Этот вопрос направлен против утверждаемой Хабермасом аналогии между пациентом и врачом-психоаналитиком и просветителями и просвещаемыми в области теории коммуникативной компетенции, обществом и группой наиболее грамотных коммуникаторов. «В психоанализе ответ на этот вопрос дан авторитетом знающего врача, но в сфере общественной и политической нет такого базиса коммуникативного анализа, от обсуждения которого больной отказывается добровольно, признавая и понимая, что он больной.» - утверждает Гадамер [2].

По нашему мнению, использование модели психоанализа в теории коммуникативной компетенции связано с тем, что субъектом социального взаимодействия является индивид. Хабермас оценивает социальную эволюцию как непрекращающийся процесс научения, механизмы которого следовало бы искать на психологическом уровне, в рамках обыденно-разговорной коммуникации. В данном случае тождественность обучения на индивидуальном и социальном уровнях для Хабермаса весьма естественна, вплоть до полной идентичности рассмотрения проблемы в психологическом и социологическом контекстах, поскольку психологические и социологические категории могут взаимопроникать, т.к. развитые в них перспективы индивида и общества тесно взаимосвязаны.

Процессы научения протекают в двух плоскостях: научно-теоретической и практической, и могут иметь рефлексивный и нерефлексивный характер. От уровня развития научения зависит и уровень развития общества - он определяется «институционально допустимой мощностью научения». Развитие общества - это процесс постепенного перехода от нерефлексивного (донаучного) к рефлексивному научению, к дифференциации теоретических и практических форм аргументации. Перспектива заключается в институционализации всеобщих рефлексивных учебных процессов, которые мыслятся как свободные от господства дискуссии.

Идея о ведущей роли процесса образования является в настоящее время одной из наиболее актуальных и насущных проблем. Теоретики постиндустриального общества говорят о решающей роли научного знания в современную информационную эпоху (О. Тоффлер, Ф. Фукуяма, Д. Белл, А. Турен). Весьма показательна в этом отношении концепция культурно-символического капитала П.Бурдьё. По мнению Хабермаса, именно специфика процессов научения определяет специфику общественных систем: уровень развития производительных сил, формы социального взаимодействия, возможность саморегулирования социальной системы и др.

Теория коммуникативного действия может быть рассмотрена как современный вариант понимания практического разума, не сводимого к его кантовскому пониманию. По словам Хабермаса, «практическим разумом мы называем способность обосновывать соответствующие императивы, причем в зависимости от характера действия и вида предстоящего решения меняется не только не обусловленный каким-либо местоположением смысл «необходимого» или «должного», но и само понятие воли, которая должна в каждом случае определяться через разумно обоснованные императивы» [3]. При этом рациональная, автономная воля руководствуется моральной точкой зрения, считается как бы «очищенной» от спонтанных проявлений и внешней обусловленности. Сам практический разум выступает в проявлениях, соответствующих основным типам дискурсов.

Особый фактор - коммуникативное формирование универсальных содержаний сознания: «...Дискурс означает идеальное расширение коммуникативного сообщества исходя из его внутренней перспективы» [4]. Универсальные принципы не являются более беспристрастными суждениями, они имеют значимость лишь в контекстуальном применении, с позиций уместности или соответствия. При этом операции разума разворачиваются «на уровне методов и коммуникативных предпосылок, перемещаются в плоскость реально протекающих дискурсов и переговоров» [5].

Проблема практического разума с точки зрения коммуникативной модели рациональности - это исследование процессов коллективного формирования воли, общественно значимых ценностей и образцов поведения. В этом аспекте Хабермас говорит об уместности постановки вопроса: можем ли мы сейчас говорить о практическом разуме в единственном числе, если фактически имеем дело с его различными проявлениями в аспектах целесообразного, доброго и справедливого, выраженных в различных формах аргументации?

В такой же мере нецелесообразно говорить о существовании некоего метадискурса, обосновывающего единство различных форм аргументации и выбор между этими формами: «Ибо вопрос о том, приступать ли к проблеме, трактовать ли ее с точки зрения целесообразного, доброго или справедливого, отдается на откуп предпочтениям или в лучшем случае еще додискурсивной способности суждения индивида» [6]. В данном случае речь идет не о рефлектирующей способности суждения, а о дорефлексивных процессах, обозначающих проблемы, которые сами по себе имеют объективный характер, ситуация же возникновения

проблем определяет логику их разрешения. Разумеется, подобная логика не является исчерпывающей: «Практический разум, который находил бы свое единство в слепом пятне такой реактивной способности суждения, остался бы непроницаемым образованием, которое можно было бы объяснить только феноменологически» [7].

Наша цель - показать, как коммуникативная теория рациональности может быть реализована в конкретных общественных, политических процессах, связанных с принятием каких-либо значимых для общества решений. В этом плане весьма интересным является обращение к уже сложившимся моделям формирования коллективной воли.

Согласно эгалитарной концепции, сформулированной Ж.-Ж. Руссо, только всеобщая объединенная воля народа может иметь законодательный характер. Но при этом встает проблема сопряжения воли индивидов и абстрактных и всеобщих прав и законов, в форме которых может проявляться всеобщая воля. Однако эта проблема не может быть в настоящее время сформулирована в таком виде, поскольку современное общество не гомогенно и проблема образования всеобщей воли должна истолковываться иначе, в рамках дискурсивного процесса образования мнений, который сам себя дифференцирует.

Так, по мнению теоретика демократии XIX века Ю. Фребеля, принцип принятия решений на основе воли большинства наиболее оптимален для социальной практики. По его словам, «от меньшинства никто не требует, чтобы оно отказывалось от своей воли, чтобы оно объявляло свое мнение ошибочным; от меньшинства не требуют даже того, чтобы оно отказывалось от своей цели. Но требуют, чтобы меньшинство отказалось от практической реализации своего убеждения до тех пор, пока ему не удастся лучше представить свои аргументы и собрать необходимое число согласных с ним» [8]. По мнению Хабермаса, общественный дискурс должен опосредовать формирование всеобщей воли и в тех случаях, когда она выступает в форме воли большинства: «Решение большинства может приниматься только таким образом, что его содержание считается рационально мотивированным (хотя и не застрахованным от ошибки) итогом дискуссии, которая как бы условно завершена, поскольку необходимо принять наконец-то какое-то решение» [9]. При этом за меньшинством всегда остается право на предоставление более аргументированных точек зрения, которые могли бы быть впоследствии приняты.

Рассматривая процесс формирования коллективных решений и основанных на них социальных взаимодействий, весьма *уместно* сказать несколько слов и о концепциях анархизма. Общество в представлении анархистов - это сеть добровольческих ассоциаций с минимальной степенью институционализации. Процесс принятия решений носит непосредственный характер, протекает в рамках системы непосредственных горизонтальных социальных взаимодействий. Разумеется, модель рациональной коммуникации, дискурсивного решения важнейших общественных проблем не может быть аналогична анархистскому проекту, поскольку современные сложноорганизованные общества нуждаются в управлении и контроле.

В данном контексте интересно отметить характер связи между теоретическими аспектами марксистской парадигмы и вопросами практической политической организации общества, можно сказать, процедурными аспектами социальной теории. Думается, что идея естественно-исторического развития общества, характеристика коммунистической стадии не были сопряжены с разработкой вопросов формирования коллективных решений. Коммунистическое и социалистическое общество, понимаемое как воплощение неотчужденных, эмансипированных жизненных форм, не рассматривается у Маркса и Энгельса в связи с процессами принятия конкретных политических и прочих решений, механизмами образования согласованных точек зрения. Интенсификация политической жизни, необходимая для формирования нового типа общества, не была связана с разработкой способов образования и функционирования эгалитарной воли, условий ее институционализации.

Ленинская теория диктатуры пролетариата, революционного решения кардинальных вопросов социальной жизни также не была близка проблемам эгалитарного, дискурсивного волеизъявления, о чем наглядно свидетельствовали процессы возрастающей бюрократизации и ритуализации общественно-политической жизни в Советском Союзе.

Однако не лишено проблем социальное реформирование и в условиях демократии, особенно когда принятие решений осуществляется в рамках политической системы, «огосударственных» партий. Можно сказать, что со временем эта политическая система начинает самовоспроизводиться и самопрограммироваться, становясь независимой от «демократических источников, которым она обязана своей легитимностью» [10]. Эта угроза весьма сильна для успешных социально ориентированных демократических государств и возрастает по мере того, как им удается завоевывать доверие, а вместе с ним и лояльность своих граждан. Процессы образования коллективной воли в этом случае могут приобрести характер административно направляемого процесса легитимации.

По мнению П.Бурдьё, в современном обществе автономной воли, общественного мнения не существует вовсе, в большей степени это теоретическая конструкция, используемая теми, кто проводит опросы, и теми, кто их заказывает. По его словам, «есть, с одной стороны, мнения сформированные, мобилизованные и

группы давления, мобилизованные вокруг системы в явном виде сформулированных интересов; и с другой стороны - предрасположенности, которые по определению не есть мнение...» [11].

Как же могут быть совмещены потребность в административном управлении и контроле и свободное от принуждения формирование коллективной воли? По мнению Хабермаса, эти процессы не сводимы друг к другу: «Мы можем различать власть, рождающуюся в процессе коммуникации, и административно применяемую власть. В деятельности политической общественности встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности, а с другой - такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которых административная власть пытается управлять политическими коммуникациями. Как оба процесса - спонтанное формирование мнений благодаря автономным объединениям общественности и организованное обретение лояльности масс - проникают друг в друга, какой из них пересиливает другой - это вопрос эмпирический» [12]. Задача социальной теории - понять механизмы взаимодействия между «институционализированным формированием воли, которое протекает согласно демократическим процедурам в рамках образований, способных к принятию решений и запрограммированных на их проведение в жизнь, с одной стороны, с другой - незапрограммированными, неформальными, высокочувствительными процессами формирования мнений благодаря автономным объединениям общественности, которые не приемлют организации сверху и могут разворачиваться только спонтанно, лишь в рамках либеральной политической культуры» [13]. Таким образом, политические аспекты общественного развития оказываются тесно связанными с глубинными структурами человеческого сознания, сферой жизненного мира индивидов. Демократическое государство выступает здесь, по словам Хабермаса, своего рода проектом, целью которого должно быть совершенствование социальной коммуникации как многообразных способов разумного коллективного формирования воли, которые не могли бы выступать принудительными в отношении участников коммуникационного процесса. Практический разум, выступающий в единстве различных типов дискурсов, может функционировать только в результате взаимной чувствительности друг к другу политической жизни, политической культуры и жизненного мира, неотчуждаемых жизненных потребностей индивидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коэн-Хуттер Ж. Социология и проблемы современного общества // Социология на пороге 21-го века: новые направления исследований / Под ред. С.И. Григорьева, Ж. Коэн-Хуттера. - М.: Интеллект, 1998. - С. 18.
2. Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ / Под ред. Б.Г. Григорьяна. - М.: Наука, 1978. - С. 70.
3. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г.). - М.: Наука, 1992. - С. 15.
4. Там же. С. 21-22.
5. Там же. С. 27.
6. Там же. С. 28.
7. Там же. С. 29.
8. Там же. С. 37.
9. Там же. С. 37.
10. Там же. С. 44.
11. Бурдьё П. Социология политики. - М.: SOCIO-LOGOS, 1993. - С. 129.
12. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность - С.50.
13. Там же. С. 50.